

ИТАР-ТАСС

Тихон Хренников: «Я не потерял своего лица!»

Тихон Николаевич Хренников — живая легенда советской музыки, заслуженный деятель искусств, в течение сорока трех лет возглавлявший Союз советских композиторов. На этом посту Хренников пережил многое: и сталинский террор, когда приходилось защищать от репрессий коллег-композиторов, и войну, и — через много лет — развал Союза (в том числе Союза композиторов), и огульную, злобную критику. Несмотря на все это, Тихона Николаевича признают во всем мире как одного из лучших русских композиторов XX века. Его симфоническая музыка звучит в академических залах, а песни — «Московские окна», «Давным-давно», песня из фильма «Верные друзья» — поет вся страна. На днях Тихону Николаевичу исполняется 90.

— Вы прожили такую богатую и яркую жизнь. Можете сказать, что жизнь удалась, что вы счастливый человек?

— Я считаю себя счастливым человеком не потому, что жизнь удалась или не удалась, а потому, что я все время работал. Я сочинял музыку и играл на рояле по всему миру. Это делало меня счастливым.

— Прислушиваетесь ли к мнению критиков?

— Не прислушиваюсь и не прислушивался. У меня есть свои жизненные и творческие принципы, которым я всегда следовал. Были в жизни разные периоды: меня ругали и хвалили. Но я всегда помнил заветы своего отца. Уезжая из родного дома, из Ельца,

он сказал мне две вещи. Первое: «Никогда не огорчайся от неудачи и не особенно радуйся успехам, а работай. Это — главное». И второе: «Я не знаю, что из тебя выйдет. Может, ты будешь композитором, а может, и нет. Но живи сам и давай жить другим». Это два мудрых совета, которым я следовал всю жизнь. Они давали возможность самостоятельно действовать в различных ситуациях. Я прислушивался к своему внутреннему голосу и старался соблюдать нравственные правила жизни. Сейчас, к сожалению, нравственность падает.

— В чем вы видите это падение?

— Нравственное падение наступает тогда, когда человек приспособливается, чтобы получить деньги, блага. Лю-

ди теряют при этом самостоятельность суждений, позиций. Многие музыканты уехали на Запад, чтобы приспособиться к соответствующей политической ситуации. Они поливали грязью родину и все, что происходило в их родном отечестве. Поливали грязью только для того, чтобы найти себе «уютный уголок».

— Отношение к вам и вашему творчеству тоже менялось в обществе в связи с определенной социальной конъюнктурой. В девяностых вас, пожалуй, больше всех обливали грязью. Как вы это себе объясняли?

— Никак, я не обращал внимания. Я сидел и работал. Писал музыку. Самое печальное, что среди людей, поливавших меня грязью, я слышал голоса

бывших друзей и людей, которым сделал немало хорошего. И продолжал делать. Но я понимал, что эти люди — слабые, и верил, что все равно зло человеческое не бесконечно.

— Потом перед вами хоть кто-нибудь из них извинился?

— Некоторые умерли, так и не извинившись, так и не поняв, что они гадости делали. Не хочу о них вспоминать. Я рад, что оказался сильнее их, не потерял своего человеческого лица. Я этим горжусь! А слабым людям Бог простит.

— Про вашу музыку говорят разные. Например, не раз отмечали, что она очень оптимистична...

— Я рад, что так говорят. Я люблю жизнь. Конечно, были плохие моменты в жизни, но мой характер — жизнеутверждающий. Ведь какой человек в жизни, такой он и в искусстве.

— С другой стороны, не перестают говорить, что музыка Хренникова — очень советская, что писалась она по заказу партии и т.д...

— Это говорят люди, которые той жизни не знали. И не знают к тому же принципа сочинения музыки. У композитора есть своя программа жизни и свой заказ. Есенин сочинял свободно. Глинка, Даргомыжский, Мусоргский...

— Но вы ведь не были свободным художником, как Есенин или Глинка, вы были государственным чиновником, председателем Союза советских композиторов.

— Я был государственным человеком в делах государственных, в Союзе. А в творчестве я всегда был самостоятелен. Я не написал за всю жизнь ни одной песни о вождях: ни о Сталине, ни о Хрущеве. Не хотел и не писал. А многие композиторы писали. Потому что хотели. Хачатурян, Блантер написали песни о вождях, и это,

должен вам сказать, замечательная музыка! Вот Пахмутова, например, написала песню «Малая земля» о Брежнев. Замечательная песня! Ну и что, что о Брежнев? Могла бы быть и о Пупкине, музыка от этого хуже бы не стала.

— Следите ли вы за современной эстрадой, за тем, что показывают по телевизору?

— Телевизор смотрю очень редко. Но вижу, что ни одной хорошей новой песни не появляется. Продолжает царствовать Пахмутова. Она по-прежнему лидер. Есть некоторые песни у Газманова неплохие, у Николаева. Но это — единицы. Остальные — трухлявые дилетанты, и песни их — труха, слушать невозможно! На днях смотрел по телевизору концерт композитора... не помню фамилию. Ни голоса нет, ни мелодии, ни слов. Зато три голенькие девочки танцуют на сцене. У них красивые фигурки. И всем нравится, все хлопают! Сейчас искусство подменяется суррогатом.

— А вы слышали собственные песни в новых, современных аранжировках? Вам нравится?

— Да что вы! Это ужас! Настолько все перелицовывают... Я слушал некоторых певиц, которые пели мои песни. Сначала вроде бы нормально пели, затем появились «изгибы» в их трактовках, а потом и вовсе понесли отсебятину...

— Не пора ли вновь ввести художеты?

— Как же! Они же начнут орать, что зажимают свободу. А это не свобода. Это пропаганда распушенности, нравственной распушенности! Вот так обязательно и напишите. Конечно, наверняка вырежут, но вы все равно напишите!

Беседовала Елена Карпенко

Хренников Тихон
Россия, — 2003. — 23 мая, — с. 13
23.05.03